

Из серии рассказов о первых священно- и церковнослужителях куреня Полтавского и не только, часть 2. Сначала оправдали, а потом все-таки отрешили.

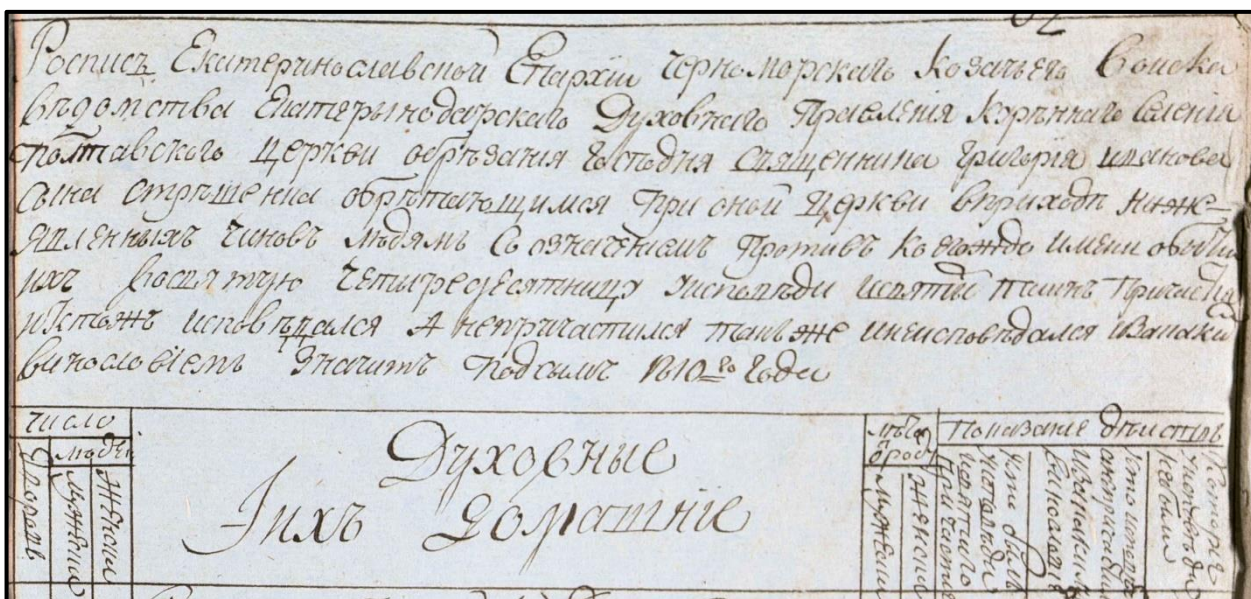
К сожалению, архивы не сохранили нам подробности о возведении первых храмов в курене и о первых годах их существования. Не получится узнать фамилии тех полтавчан, которые жертвовали на них свои средства (помните, в августе 1796 года на строительство церкви в селении Полтавском были собраны первые 300 рублей?) Неизвестны имена строителей, хотя думаю, что и в возведении своих храмов полтавчане принимали активное участие. Отсутствуют сведения о первых службах в этих церквях. Найти информацию о том, кто присутствовал и как происходило открытие первого училища или освящение нового храма в станице, практически невозможно, а вот о том, как поссорился «Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» вполне реально. Сохранились дела с разбором жалоб, воровства, пьянства и т.п. И может сложиться впечатление, что наши предки только и делали, что писали доносы, грабили и убивали. Но это, конечно, не так. Жизнь во все времена одинакова: есть в ней много хорошего, значительного, которое почему-то не очень-то отражалось в архивных документах, и есть неблагоприятного вида поступки-происшествия, разборами которых пестрят архивные дела. В них и опросы свидетелей, и рапорты разного уровня чиновников. Я же говорю спасибо даже за такие дела: чем больше плохого случалось в жизни предка или героя рассказа, тем больше его документальных «следов» можно обнаружить в архиве.

В этой статье речь идет о священно- и церковнослужителях первой половины 19 века. Бичом этого сословия в те годы по всей России было пьянство, что для меня оказалось потрясением. Есть научные работы, разбирающие причины этого явления, кто хочет прочитает, а я просто прошу не судить строго людей, о которых далее пойдет речь.

Перенесемся в курень Полтавский и познакомимся с исповедной росписью за 1810 год. Это ведомость (посемейный список с указанием возраста), которую ежегодно составляли православные священники для учета прихожан, бывших в этом году на исповеди и причастии. Начиналась она с описания причта местной, в нашем случае Обрезанской церкви. Его и разберем, проанализируем.

Причт или клир – это состав священнослужителей (священники и дьяконы) и церковнослужителей (дьячки, пономари, псаломщики) прихода.

Штатный церковнослужитель или причетник особыми молитвами посвящался архиереем в стихарь и становился полноценным церковнослужителем. До посвящения в стихарь дьячки и пономари назывались "указными".

1. Священник **Григорий Иванов Стрешенко**, 42; жена его Наталья Васильева, 34; брат ее Уласий Васильев Животовский, 26; питомцы их: Иван Светлый, 16, Ольга Деомидова, 15, Александра Деомидова, 13, Устина Данилова, 14; Работница их Евдокия Пономорева, 36.
2. Дьякон **Савва Яковлев Карпинский**, 38, жена его Анна

- Харитоновна, 26, отец ее Харитон **Забыйворота**, вдов, 55, у них жительствоет Иосиф Дейнега, 32, питомица Мария Лукьянова, 6.
3. Стихарный дьячок **Михаил Яковлев Диброва**, 33, жена его Екатерина Васильева, 26, сын их Иоанн, 4. У них жительствоет Авраам Чернобай, 61, Федор Шаповал, 54, Никита Мухин, 24.
4. Указной пономарь **Григорий Михайлов Коновка**, 56, вдов, дети его Анна, 8, Симеон, 6. Свойственные их Федор Коновка, Александр Белый, 8.

Священник **Григорий Иванов Стрешенко**. У Григория и его жены Наталии своих детей не было. С ними вместе в 1810 году проживал ее младший брат – Уласий Животовский, из чего делаю вывод, что, вероятно, родителей Натальи и ее брата Уласия, скорее всего, уже не было в живых.

В исповедной росписи (ИР) 1815 года Уласий с женой Ириной записан в разделе «Военные и их домашние» как сотенный есаул, т.е. он стал офицером. Надеюсь, я его встречу в моих дальнейших исследованиях.

В семье Стрешенко жили их питомцы, скорее всего, сиротки, а также крестьяне (в 1811 году) и работники. Семья большая, интересная, каждому находилось, наверное, какое-нибудь дело.

Дьякон Савва Яковлев Карпинский. Годы начала и окончания его службы в селении Полтавском установить не удалось, точно известны только два года - 1810 и 1811, а в ИР 1815 года о. Савва - священник селения Мышастовского. Приведу его характеристику за 1822 год. Савва Карпинский, второй священник селения Березанского, 2 части благочиния: *«состояния доброго, от пьянственной страсти воздерживается. Но за не препровождение трезвой жизни в 1820 году отрешен от Мышастовского прихода и отослан в Екатерино-Лебяжью пустынь к исправлению жизни на полгода»*.

Что же случилось с о. Саввой? В октябре 1819 года Благочинный протоиерей Пантелеймон Красницкий получил жалобу прихожан

Вознесенской церкви селения Мышастовского на тамошнего священника Савву Карпинского в чрезмерном пьянстве и о не отправлении им в праздничные, воскресные и высокаторжественные дни в церкви богослужения, чрез что они были лишены слушания слова божия. Приехав в то селение для расследования, Благодичинный Красницкий по лицу и глазам Священника Карпинского увидел его невоздержание от пьянства. По собственному признанию Карпинского и по расследованию открылось, что он, упражняясь с 1 по 19 сентября в ежедневном пьянстве, действительно оставлял жителей селения без священнослужения.

По справке оказалось, истекшего 4 апреля по рапорту Благодичинного о сумасшествии (белой горячки? – Е.С.) священника Карпинского, духовное правление вызвало его в присутствие. По освидетельствованию оказалось, что он действительно одержим сей болезнью. Его поместили в Войсковую больницу для лечения и уже через 18 дней, 22 апреля, Карпинский от сей болезни получил совершенное выздоровление и был отпущен к прежнему месту службы. Интересно-то как! Чем же лечили в то время от алкогольной зависимости? Вот бы прочитать заключение врача.

Неумеренное же употребление хмельных напитков в сентябре способствовало возобновлению той болезни, почему и отправлен он был повторно в черноморскую войсковую канцелярию для помещения в больницу. По формулярным за 1818 год ведомостям оный священник Карпинский показан: *«46 лет, женат, имеет сына 7 лет, обучающегося в Екатеринодарском духовном приходском училище, поведения доброго, хмельные напитки употребляет не умеренно, в должности исправен и не штрафован».*

По делу, начатому по жалобе жителей Мышастовки, было принято следующее решение: *«хотя Карпинского и следовало приговорить к лишению сана, но в рассуждении того, что он подверг себя суду в первый раз в надежде исправиться, не присуждать его к этому, а отрешить от настоящего места*

и по выздоровлении его от сумасшествия, запретить ему священнослужение, рукоблагославление и ношение рясы, и послать в Черноморскую Екатеринолебяжью Николаевскую пустынь на полгода в труды монастырские, где удалить от него все случаи к употреблению хмельных напитков.

В свободное от труда время занимать его чтением душеспасительных книг, служащих к исправлению нравов. Настоятелю той пустыни или искусному иеромонаху, внушая ему Карпинскому гнусность пьянства и пагубные от того последствия, стараться располагать его к препровождению впредь жизни трезвой и во всем соответствующей сану его. По окончании прописанного срока, ежели усмотрены будут в нем плоды истинного раскаяния, то обязав его о том подпискою, определить к двухкомплектной церкви под присмотр за поведением его тамошнего священника. Благодичному иметь за ним Карпинским, яко бывшим уже под судом, строгое наблюдение, дабы в случае нового его преступления присудить его к лишению сана и отослать в губернское правление для определения его куда годным окажется без всякого снисхождения. Упущенные им, Карпинским, литургия и 4 молебна, по возвращению его из пустыни, велеть ему отправить в церкви непременно».

По формуляру 1822 года, как уже писалось ранее, он служил вторым священником в селении Березанском, т. е следы исправления от пребывания в пустыне были на лицо, а уж как далее сложилась судьба Карпинского - мне неизвестно. Надеюсь, что он излечился от пагубной привычки и прослужил в Березанской или какой-либо другой церкви еще много лет.

Стихарный дьячок **Михаил Яковлев Диброва** служил в полтавской церкви с 1803 года.

Прочитаем письмо Екатеринодарского духовного правления в Екатеринославскую епархию, написанное на основе прошения стихарного дьячка куреня Полтавского Диброва Михаила.

«Великому Господину Высокопросвященнейшему Платону, Архиепископу Екатеринославскому, Херсонскому и Таврическому и ордена Святого Александра Невского Кавалера.

Екатеринодарского духовного Правления. Доношение.

*Селения Полтавского Обрезанской церкви стихарный дьячок Михаил Диброва по данному в сие правление прошению прописывал, что исправляет добропорядочно при помянутой Обрезанской церкви дьячковскую должность с 18 марта 1803 года по сей день. Священник той церкви Григорий Стрешенко по делу, производившемуся в сем правлении в 1809 году и начавшемуся по прошению **Есаула Слепухи**, был признан виновным и оштрафован, возымел на него злобу и с неудовольствием, по-видимому, имеет его при нем дьячком. Просил во избежание его Стрешенка злобы и могущей последовать чрез то от него какого мщениа о переводе его из селения Полтавского в Роговское, и об определении к тамошней Николаевской церкви дьячком. Представляя сие прошению вашему высокопреосвященству, Екатеринодарское духовное правление просит о сем архипасторского благорассмотрения и резолюции.*

Протоиерей Кирилл Россинский, священник Диомид Яблуновский».

Скорее всего, из Екатеринославской епархии был получен положительный ответ на перевод Диброва в селение Роговское, так как в составе причта в селении Полтавского в 1811 году его уже не было, а в селение Роговском он появился стихарным дьячком.

В первые десятилетия на кубанской земле в Войске черноморском начали зарождаться сословия. Первое, панское, офицерско-чиновничье, находившееся в тесной связи с их служебным положением и экономическими выгодами. Вторым сословием, отделившимся от казачества, было духовенство.

Как утверждал Ф.А. Щербина, отношения между этими сословиями не всегда складывались безоблачно. Светские власти относились без должного

уважения к священникам. Представители войсковой администрации ставили себя выше церковного клира и часто вмешивались во внутренние дела духовенства, поэтому между клириками и влиятельными людьми в обыденной жизни часто происходили пререкания, заканчивавшиеся обычно не в пользу духовенства.

В 1809 году **полковой есаул** Алексей Григорьев Слепуха, по прошению которого священник Стрешенко был судим и оштрафован, с семьей проживал в курене Полтавском и был на тот момент самым старшим по званию офицером-чиновником в курене. То есть, что-то произошло между представителем офицерского сословия и духовенства. Но что? Думаю, нам об этом уже и не узнать, хотя очень хотелось бы. Можно только с уверенностью сказать, что стихарный дьячок Диброва каким-то образом оказался на стороне есаула Слепухи, чем и вызвал у священника Стрешенко злобу в свой адрес. Что по-человечески объяснимо.

В 1822 году Диброва продолжал служить в селении Роговском. Познакомимся с его характеристикой, написанной благочинным Красницким: *«В селении Роговском стихарный дьячок Михаил Диброва, 46 лет. Поведения доброго. По данной подписке начал воздерживаться от страсти пьянства. Не штрафован».*

У многих священно- и церковнослужителей в их характеристиках за 1822 год встречалась фраза «обязан подпискою», а далее, либо, чтобы «впредь был воздержан и не сварлив», либо, чтобы был «воздержан к пьянству». Найти бы хоть одну такую подписку, но увы... не попадалась.

Исповедная роспись куренного селения Полтавского за 1811 год.

1. Священник **Григорий Иванов Стрешенко**, 43; жена его Наталия Васильевна, 35; питомки их Иоанн Светлик, 17, Александра Диомидова, 14, Устина Данилова, 15. Крестьянка их Параскева

Григорьева, 20: работники их Мартин Белый, 50, жена его Елена, 35, дети их Агафия, 9, Елена, 1. Иосиф Федорченко, 35: Василий Безгласный, 22, Василий Синявский, 22.

2. **Дьякон Савва Яковлев Карпинский**, 39, жена его Анна Харитоновна, 27, отец ее Харитон Калининков **Забыйворота**, удов, 56: питомица их Мария Лукьянова, 7; у них жительствоет Иосиф Дейнега, 33.

3. **Указной пономарь Григорий Михайлов Коновка**, удов, 57; дети его Анна, 9, Симеон, 7. Свойственные его Феодор Коновка, 22, Александр Белик, 9.

В ноябре 1828 года урядник Федор Григорьевич Крыжановский подает прошение: *«**Всепресветлейший державнейший Великий Государь, император Николай Павлович Самодержец всероссийский, Государь Всемиловейший.** Для доказательства дворянского моего происхождения встречаю я необходимость иметь от духовной консистории свидетельство о том, что рожден я от законного брака...»*.

Это прошение из канцелярии Императора переправляется в Астраханскую консисторию, которая и выдает копию свидетельства о рождении:

«1828 года декабря 13 числа в архиве астраханской консистории по справке оказалось: по поданному на всевысочайшее имя войска черноморского урядника Федора Григорьева сына Крыжановского прошению, о рождении его в 1813 году выправки:

*В поданных в 1813 году селения полтавского обрезаанской церкви метрикам декабря 27 числа, за №4 записано, у хорунжего Григория Крыжановского и жены его Прасковии родился сын Феодор, крещен в 1814 году января 3 числа священником **Григорием Стрешенко**, восприемником был того же селения казак Харитон Заби(ый)ворота. Архивариус Семенов»*.

Додана Федора 24го 1828го присягу
в духе
1828 года декабря 13 числа Вархиве астрахан-
ской канцелярии подгравни Ошанина,
по поданному на все высочайшее имее
воиши Черноморскому уряднику Федору Фро-
лѣву сыну Крыжановскому прошению, о рожде-
нии его в 1813 году в браке,
в поданных в 1813 году селении полтавского
обрѣзанной церкви Метрическим декабре 27-
го числа, За № 4 Записано, у Курманова Фроло-
рия Крыжановского и жены его Грасиены роди-
ль сын Федор Крещен в 1814 году Тетевин-
ля 3 числа священником Фролом Стрешенко,
со Стрешенским был подал селения казака
Харитон Забыворота; —
Архивариус Савин

Заглянем в нашу церковь в солнечный морозный день 3 января 1814 года. Здесь и священник **Стрешенко**, держащий на руках младенца **Федора**, и восприемник Харитон Забыворота, тесть дьякона Саввы Карпинского, а поодаль молодята Семен Остроух со сводным братом одногодкой **Иваном Суром**, убирают сгоревшие свечи. Я, конечно, не могу знать, но могу предположить следующее. В формуляре казака Ивана Сура записано — «российской грамоты читать и писать знает», Семен Остроух поступил в духовное звание и тоже, скорее всего, был грамотен, Федор Крыжановский в январе 1825 года, в 12 лет, «в службу вступил казаком к письменным делам Черноморской канцелярии». Ни школы, ни училища в то время в селении

Полтавском и близко не было. Так что, думаю, учитель у них был один – **священник Стрешенко.**

Ни Григорий Стрешенко (первый священник нашего куреня), ни Иван Сур (героический подвиг которого оценил сам Император), ни Федор Крыжановский (будущий генерал-майор, единственный, кто достиг такого звания из полтавчан до первой мировой войны) - герои моих рассказов - мне не родня. Но все они оставили значительный след в истории станицы Полтавской, откуда берут кубанское начало восемь моих родовых фамилий. Объединяет названных выше полтавчан еще и то, что ни один из них не оставил после себя прямых потомков. Когда я пишу про них, вижу их всех: и предков, и героев. Они стоят рядом с улыбающимися счастливыми лицами, благословляя меня на дальнейший поиск и рассказы.

Исповедная роспись куреня Полтавского за 1815 год.

1. **Священник Григория Иванов Стрешенко, 47, жена его Наталия Васильева, 39, племянница их Марфа – 12, крестьянка их Параскева – 24, дочь ее Марфа, 3; Работники их Павел Бережный, 45;, Семен Кравченко, 28, Григорий Одеенко, 27, Яков Шаповаленко, 42, Гордей Шидловский, 18.**
2. **Указной дьячок Диомид Нестор Попка, 26.**
3. **Исправляющий пономарскую должность, уволенный от военной службы к поступлению в духовное звание козак Семен Назарьев Остроух, 17.**

Как видим, в 1815 году клир нашей церкви полностью поменялся. **Указной дьячок Диомид Нестеров Попка**, в сентябре 1818 году будет рукоположен в священники и отправлен на службу в Николаевскую церковь селения Тимашевского. Изучая его биографию, я нашла его настоящую родовую фамилию и написала статью «Попка Диомид Несторович, а так ли

это?», поэтому здесь о нем писать не буду, а выложу ссылку на статью:
<https://kubangenealogy.ucoz.ru/Statji/popko.pdf>

Исправляющий пономарскую должность Семен Назарьев Остроух, сводный брат Ивана Григорьевича Сура, не встретился мне далее ни в одном документе. Так что его дальнейшая судьба неизвестна, хотя печальное предположение о его ранней смерти, наверное, имеет право быть.

Наступил 1818 год. Благодичинный объезжал свою территорию, и после посещения Полтавского селения отправил рапорт в вышестоящую инстанцию.

В Екатеринодарское духовное правление от Благодичинного Священника Пантелеймона Красницкого. Рапорт.

Селения Полтавского Священник Григорий Стрешенко, занимаясь более собственными делами, оставлял без моего ведома приход свой без богослужения. По давней своей привычке к конскому рытанию (скачке – Е.С.) более ездит верховою лошадию. Бывая же в нетрезвом виде, неоднократно падал с лошади и убивался почти до полусмерти, но скрывая всегда свои поступки, не давал никогда никому о болезни своей знать».

Далее Благодичинный начинает в этом рапорте описывать дела двухлетней давности.

«В 1816 году, отлучась от прихода из селения Полтавского к своей водяной мельнице, упал с верховой лошади и выбил правую руку так сильно, что ею не владел. И служением, и исправлением прихожанам христианских треб долгое время не занимался. И о сем ни словесно, ни письменно по его убедительной просьбе прихожане не донесли. Они ездили по другим приходам с крещением младенцев и прочими требами в течение пяти недель, а служения вовсе лишились. Я же никак ни от кого в рассуждении далекого расстояния не мог сведения о сем иметь.

По приближению святой четыредесятницы (первые 40 дней Великого поста – Е.С.) полтавское куренное общество не могло более молчать. 22 февраля 1816 года, присланным ко мне рапортом, попросили на место Стрешенко прислать другого в их селение священника, каковой рапорт подлинником при сем прилагаю, по которому я того же февраля 23-го числа до выздоровления Стрешенко о наблюдение полтавского прихода предписал поповическим священникам.

Правление же полтавское в надежде той, что он Стрешенко по выздоровлению, оставит привычку (к рыстанию-скачке – Е.С.), начнет по немолодым уже его летам проводить жизнь прилично сана его и займется более богослужением и не упущением прихожанам исправлением треб не доносило и оставило поступок его до сего времени только в одном замечании».

Прервем чтение рапорта Красницкого и познакомимся с рапортом станичного правления, написанным в 1816 году, на который он ссылается.

«22 февраля 1816 года. Его превелебю (высокочтимому – Е.С.) 1-й части благочинному отцу Красницкому. Полтавского куренного общества. Рапорт.

*Селения нашего Полтавского Священник Григорий Стрешенко пять недель назад отлучился по надобности своей с полтавского селения. Не известно нам каким образом выбыл с лошади правую руку коей не владеет здоровьем. А как ныне наступает великий пост и нужно иметь духовного пастыря к служению, то потому вашего превелебья покорнейше просим на место Стрешенко прислать другого священника в наше селение и о том не оставить учинить рассмотрение к сему рапорту: куренной атаман **Иван Чуприна, Григорий Сур, Василий Соловей, Герасим Задорожний, Максим Посунько, Остап Войнянко, Григорий Дудля, Михайло Филь, Яков Кудинец, Игнат Савицкий, Семен Хиз, Семен Кобзарь, Николай Гриценко, Тимофей***

Мяжкий, Еремей Остроух, а вместо их неграмотных по рукоданному прошению руку приложил Сотенный есаул Кучеря. 16 февраля 1816 года».

Добавлю, рапорт станичного правления не жалоба, а простая констатация факта болезни их священника и просьба прислать другого священника.

Вернемся к рапорту Красницкого 1818 года.

«Сего же апреля 20 числа по бытности моей в селении Полтавском при освидетельствовании тамошней церкви узнал (кто-то же ему донес – Е.С.), что священник Стрешенко, истекшего марта 28 числа, отлучался от прихода без ведома моего верст за 15-ть к речке Кубань (сейчас река Протока) к Ерковскому кордону (официально этот кордон в то время назывался Протоцким, а в народе, наверное, закрепилось название Ерковский от изначального Казачьеерковский, может, поэтому лет через 8 этот пост и официально стали наименоваться Ерковским – Е.С.), где рыли селения Полтавского жители по найму ли или по прошению священника Стрешенко ров для спуска с Кубани к водной его мельнице воды.

Преусердствуя в постоянности и не оставляя своего прежнего нрава и привычки, напившись водки, севши на верховую лошадь, на которой еще привязана при седле бутылка с водкой, пустился вскачь от того места к селению, упал с лошади и убылся было так сильно, что не мог уже подняться. Батальон 8 Егерского полка проходил в то время по пути с Тамани, сопровождая Екатеринодарского земского сыскного начальника. Его Квартирмейстер и кавалер Фоменко, увидел упавшего священника Стрешенко с лошади, приказал вестовому казаку подать помощь.

После падения священника Стрешенко с лошади как служением, так и исправлением приходских треб с 26 марта по 7 апреля не занимался и не донес мне о сем, как он Стрешенко, так и никто здесь. Вызвал к себе неизвестно мне каким случаем селения Стеблиевского священника Павла Камышанского в селение Полтавское, который, оставив свой приход, занимался в

Полтавском селении служением и исправлением треб. О чем Екатеринодарскому духовному правлению на благорассмотрение доношу. Благодичный священник Красницкий. 29 апреля 1818 года».

Получив апрельский рапорт благочинного Красницкого Екатеринодарское духовное правление приказало священникам Стрешенко и Камышанскому явиться в Екатеринодар для дачи объяснений по фактам, изложенным в рапорте Красницкого, которому в свою очередь поручалось до возвращения указанных священников поручить приходы их другим священникам.

Через месяц, **27 июня 1818 года**, Екатеринодарское духовное правление получило объяснение священника куренного селения Старонижестеблиевского церкви святого мученика Иоанна-воина священника Павла Камышанского.

«Полтавский священник Григорий Стрешенко будучи чрезвычайно болен, случилась нужная треба для погребения в селении полтавского козака, просил меня чрез нарочного по записи своей услужить ему, почему я не мог отказаться, поехал. И по погребении того случилось того же 2-х младенцев перекрестить. И при отъезде моем начал священник Стрешенко убедительно меня просить, чтобы я остался прослужить на другой день прежде освященную литургию, отчего я хотел отказаться, но не мог, потому что он, Стрешенко, объявил мне, что заложен агнец (в православном богослужении - хлеб, приготовленный для освящения, или св. Хлеб, уже освященный на литургии), а в рассуждении его не малой болезни он и сам отчаялся каково над ним последует дальнейшее выздоровление его. И я видел, что он сильно болен был, что даже и с места не мог вставать. Что же касается до его болезни, от чего он так жестоко болен был, мне неизвестно, а слышал от него же самого, что лошадь испугалась, отчего он упал и по той причине рассудил я и то, чтобы и в самом деле оный агнец не предался бы тлению и затем не

быть после и мне виновным и прожил единственно для того самого почему сим духовному правлению объясняюсь. Священник Павел Камышанский».

Посмотрим на формуляр Камышанского 1822 года: *«49 лет. Доброго, пьянственную страстью не заражен, не штрафован. 1812 года взысканием 10 руб. денег за грубость и упрямство чинен в присутствии консистории выговор; 1819-го и 1820 годов чинены два раза в присутствии духовного правления за поступки выговоры».* Жаль, что дел, разъясняющих взыскание денег за грубость в Екатеринославской епархии (как он там оказался в 1812 году?) и второго выговора не нашлось. Первый, я так поняла, был за то, что он оставил свое селение и приехал в Полтавское по просьбе Стрешенко.

Наш священник прибыл в правление для дачи показаний лишь через два месяца после указанного срока. В рапорте Красницкого я нашла объяснение этому: *«Стрешенко, занимаясь якобы хозяйством, переломал в кости левую руку, потому прибыть в правление вскорости не сможет».* А было ли это правдой или хитростью нашего священника, уже и не узнать.

«26 августа 1818 года. В Екатеринодарское Духовное Правление. Селения Полтавского Обрезанской церкви Священника Григория Стрешенко. Объяснение.

*«По объявленному мне оным правлением по рапорту Благочинного Священника Красницкого о самовольной якобы из прихода моего без ведома его благочинного отлучке и о прочем, сим оному духовному правлению по сущей моей **Иерейской совести** (по самой идее о пастырском служении, пастырь должен быть человеком высоконравственным, должен при помощи благодати Божией воспитать свою душу в строгом и полном подчинении всем требованиям нравственного христианского закона. Если же таким должен быть пастырь в нравственном отношении, то отсюда понятно, что совесть пастыря, совесть иерейская, должна отличаться всеми теми совершенствами, какие только возможны для совести человеческой – Е.С.) честь имею объяснить: что действительно я по приглашению прихожан моих, и по не*

бытности на то время в доме моем конской повозки, съездил верховой лошастью к месту, где они рыли ров, не по найму моему, как благочинный в своем рапорте прописывает, а по указу черноморской войсковой канцелярии, для спуска воды из Кубани в Ерок, находящийся в полтавском селении. Откудаво обратно ехал в дом свой, но внезапно моя лошадь, споткнувшись, упала так сильно, что я, сидевши на ней, упал на землю и ушибся больно. Отчего не мог священнослужением дня три заниматься, то для сей надобности просил я письмом Нижестеблиевского священника Камышанского, который просьбу мою и удовлетворил. Прописанная же Красницким бутылка точно в тороках (подвязки – Е.С.) была, которую я брал единственно для воды. От прихода же своего без позволения оногo правления и его благочинного Красницкого в отдаленные места никогда не отлучался; в упомянутом же 1816 году поехал я верховую лошастью по хозяйству от селения верст в 10-ти, где на пути поставлены были каким-то козаком для ловления зверей железные капканы, в который лошадь моя заднюю ногою попала, отчего спугавшись, начала бечь, я упал с нее на землю и сильно ушибся. За давностью времени, сколько находился в болезни, не припомню. Всепокорнейше прошу Екатеринодарское духовное правление по сему делу по невинности моей оставить свободным».

Екатеринодарское духовное правление, получив объяснения от старостеблиевского и полтавского священников, еще через два месяца, **31 октября 1818** года приказало: с приложением рапорта благочинного Красницкого и взятых от священников Стрешенко и Камышанского подлинных объяснений, поручить священникам староджерелиевскому Иосифу Винникову и поповическому Иоанну Залетову учинить по прописанному предмету на законном основании аккуратное и без малейшего упущения расследование и представить оное в сие правление.

23 ноября 1818 года священники Иосиф Винников и Иоанн Залетов выполнили данное им поручение и представили в Екатеринодарское духовное

правление краткий рапорт: *«полтавские жители показали, что действительно священник Стрешенко с верховой лошади дважды до полусмерти убывался и чрез то пять недель богослужения и христианские требы не мог исполнять»*.

Добавим и сюда характеристики встретившихся священников, они на обоих одинаковы.

Старой Джерелиевки Михайловской церкви священник Иосиф Винник: *«42 года. Хорошего. Пьянственной страстью не заражен и не штрафован»*. Мы еще встретимся с ним в последующих частях этого рассказа.

Поповичевки Богоявленской церкви священник Иоанн Залетов: *«42 года. Хорошего. Пьянственной страстью не заражен и не штрафован»*.

Духовное правление, собрав все документы по данному делу, отправило их **в начале 1819 года** в вышестоящую инстанцию, а именно: *«Великому Господину Высокопресвященнейшему Иову Архиепископу Екатеринославскому, Херсонскому и Таврическому и ордена Святого Александра Невского Кавалеру»*.

Посмотрим на вышевыложенную схему Епархий и поймем, что все эти документы были отвезены в Екатеринослав (до 1796 года и с 1802 по 1926 год носил название *Екатеринослав*, с 1796 по 1802 год — *Новороссийск*, с 1926 по 2016 год — *Днепропетровск*, в настоящее время *Днепр*). Расстояние от Керчи до Екатеринослава – 573 км, а ведь еще и до Керчи надо было добраться. Господи, как же они ездили?

В Екатеринославской духовой консистории изучили все документы и написали **9 июля 1819 года** (прошло уже чуть больше года с момента написания первого рапорта по этому делу и полгода с момента отправки всех документов в Екатеринослав) резолюцию: *«доказательств по делу, чтобы он, Стрешенко, бывал пьян, оставлял свой приход без исправления треб, никаких нет. Да и прихожане его никогда на него жалобы не приносили, а*

сверх сего, когда последнему происшествию прошло уже два года, то тогда благочинный вздумал взойти доносом, а не в свое время, из чего открывается, что такой на него донос последовал по каким ни на есть другим видам, а не по самому существу дела. Признать его Стрешенко по сему делу невиновным и оставить от всякого взыскания свободным».

Вот так удивительно благополучно для Стрешенко закончилось это дело. А мне очень понравился комментарий консистории о происшествиях в 1816 года, которые благочинный Красницкий описал в своем рапорте 1818 года. И в событиях 1818 года, и в последующих явно просматривается обоюдное неприятие, ненависть между благочинным Красницким и священником Стрешенко. Отчего это могло возникнуть? Рискну предположить, что наш священник по давней своей службе надеялся, что благочинным должны были назначить его, но не случилось. А для Красницкого иметь в подчинении такого строптивого и питающего к нему злобу священника тоже было не очень приятно. История стара, как мир. И даже далеко ходить не надо, а просто посмотреть на отношения протоиерея Кирилла Россинского с его «заместителем» Дмитрием Грузином.

Получив оправдательный приговор, священник Стрешенко вздохнул свободно и начал готовиться к началу строительства нового храма, на возведение которого было получено разрешение в 1817 году, тем более, что в это самое время шла переписка о назначении в нашу церковь второго священника, который ох как нужен был Стрешенко для помощи.

Мелькнул и исчез.

Священник Кондрат Диаковский, уволенный из Киевской епархии в Екатеринославскую, рапортом от **27 августа 1819** года просил Великого Высокопреосвященнейшего **Иову, Архиепископа Екатеринославского, Херсонского и Таврического** и ордена святого Александра Невского кавалера»: «... а как Екатеринодарской округи селения Полтавского

священник Григорий Стрешенко желает меня принять к приходской его обреза́нской церкви во второго священника, в чем мне и письменный отзыв дал, который при сем прилагаю, осмеливаюсь ваше высокопреосвященство милостивейшего отца и архипастыря всепокорнейше просить об определении меня в помянутое селение Полтавское...».

Отзыв Священника Стрешенко: «1819 года июня 17 дня просящего принятия в Екатеринославскую епархию из Киевской священника Кондрата Диаковского, желающего поступить к приходской моей селения полтавского обреза́нской церкви во второго священника сходно с желанием прихожан желаю и я принять если только архипастерское его высокопреосвященства соизволение воспоследует. В чем и подписуюсь. Григорий Стрешенко».

Через два дня после первого рапорта (что удивляет и вызывает много вопросов), Диаковский, уже имея положительное решение этого вопроса и называясь священником обреза́нской церкви, просит разрешения отлучиться в селение Баландино Киевской губернии Чигиринского уезда для того, чтобы перевезти на Кубань жену и детей. Для этого ему требуется отпуск с паспортом на срок два месяца. В этот же день, августа 29 дня 1819 года, Диаковский получает паспорт и разрешение отлучиться на просимый срок.

*«В Екатеринославскую Духовную Консисторию от Екатеринодарского духовного правления. Рапорт. Настоящего **ноября 17 дня** правлению сему благочинный протоиерей Пантелеймон Красницкий при рапорте представил выданный из оной духовной консистории прошлого августа 29 дня священнику Кондрату Диаковскому для свободного ему Киевской губернии Чигиринского уезда в селение Баладино проезда сроком на два месяца паспорт донес, что он, Диаковский, явился к нему, Красницкому, с отлучки сего **ноября 5 дня**. Для того сей паспорт оной духовной консистории вследствие предписания ее от 11 истекшего сентября правление сие почтейнейше представляет. Протоиерей Кирилл Россинский, Присутствующий протоиерей Дмитрий Грузин. 20 ноября 1819 года».*

Скорость решения вопросов по Диаковскому изумляет. Либо сам Архиепископ Иов в это время был с инспекционной поездкой в Екатеринодаре, о чем я не нашла никаких сведений, либо между Екатеринославской консисторией и Екатеринодарским духовным правлением был негласный договор, разрешающий простые вопросы решать правлению самостоятельно, с последующим их оформлением через консисторию, либо я чего-то не понимаю.

5 ноября 1819 года Кондрат Диаковский с семьей прибыл в селение Полтавское. Что же произошло с ним далее? А не понятно, что. Он не встретился ни в одном из последующих документов, в том числе и в тех формулярах за 1822 год, в которых были перечислены все священно- и церковнослужители Черноморья. В событиях, начавшихся в курене Полтавском как раз в то время, когда его назначили вторым священником, о нем нет ни одного упоминания. Думаю, что только внезапная его смерть может объяснить это. Я даже не хотела о нем писать, но подумала, а вдруг он где-либо все-таки встретится, у меня хоть будет понимание, откуда он появился.

События начинают развиваться стремительно.

Прошло три месяца со дня получения указа из Екатеринославской духовной консистории о недоказанности вины священника Стрешенко и оставлении его на свободе, как в консисторию опять отправляется рапорт, но уже не от Екатеринодарского духовного правления, а от самого войскового атамана Черноморского войска Матвеева. Тучи над нашим священником опять начали сгущаться.

«Ваше высоко-преосвященство. Милостивейший Архипастырь!

Приходской священник вверенного мне войска селения Полтавского Григорий Стрешенко, не имея должного попечения о своей должности, занимается единственно собственными делами, нередко самыми бесчестными, и таковым не радением довел церковь до крайнего опустошения, кроме того, вмешиваясь во все не принадлежащие ему

общественные дела, заводит распри и тем наводит начальству хлопоты и неудовольствия, - дерзость его до того простирается, что он противными званию его происками ввел и меня в неудовольствие обществами Полтавского и Гривенского селений. Сей священник по местным моим здесь сведениям о недобронравном его поведении не может быть сам по себе на приходе полезным в своем звании без особенного за ним надзора, почему я осмеливаюсь все сие довести до сведения вашего высоко-преосвященства и всепокорнейше просить архипасторского вашего приказания о переводе показанного священника Стрешенка с селения Полтавского, где он служит обществу одним соблазном в другое, в подчиненность особого благонравного священника, который бы мог удерживать его Стрешенка от таковых своевольт, и на сие имею щастие ожидать почтеннейшего вашего высоко-преосвященства уведомления.

С истинным к особе вашего высоко-преосвященства высокопочтанием и преданностью, честь именоваться Вашего высоко-преосвященства милостивейшего архипастыря покорнейший слуга Григорий Матвеев. Октября 20 дня, 1819 года, Екатеринодар».

Интересно, а с этим письмом были отправлены подарки: бочонки икры, балыки, вызиги и т.п? Наверное, да!

13 ноября 1819 года из Екатеринославской Духовной Консистории войсковой протоиерей Кирилл Россинский получил указ об опросе прихожан селения Полтавского: «*как они располагают на счет исправления приходской их Обрезанской, пришедшей в ветхость церкви, о тамошнем священнике Григории Стрешенко в рассуждении отправления им своего звания и образа его жизни и о прочем*», и принял его к исполнению.

В селение Полтавское были направлены Благочинный Красницкий, священник Иоанн Залетов и депутат от сельской стороны, член Екатеринодарского сыскного начальства, сотник Плохий. «Повеленное разыскание» они провели и все документы 7 декабря 1819 года предоставили

в Екатеринодарское духовное правление, которые далее были отправлены в Екатеринославскую консисторию.

Полученные отчеты были изучены помощниками Архиепископа Иовы, и вскоре доклад по ним был представлен ему на утверждение.

Будем кусочками знакомиться с этим докладом, который являл собой экстракт из присланных из Екатеринодара документов с резолюциями помощников Иовы. А я буду добавлять пропущенные абзацы из рапортов Екатеринодарского духовного правления.

«Великому Господину Высоко-преосвященнейшему Иову архиепископу Екатеринославскому, Херсонскому, Таврическому и Ордена Святого Александра Невского Кавалеру.

Екатеринославской Духовной консистории. Доклад.

Прошлого 1819 года октября 30-го дня в присланном к вашему высокопреосвященству отношении (докладе – Е.С.), Господин Атаман полковник и кавалер Черноморского войска Матвеев изъяснял, что селения Полтавского обрезанской церкви священник Григорий Стрешенко не имея должного попечения о своей должности, занимается единственно своими делами, нередко самыми бесчестными и таким нерадением довел церковь до крайнего опустошения, кроме того, вмешиваясь во все не принадлежащие ему общественные дела, заводит распри для хлопот и неудовольствий начальства, с такою еще дерзостью, что противными званию его происками ввел и его, Господина Атамана в неудовольствие обществами Полтавского и Гривенского селений».

Попробуем разобраться, что же произошло? Для этого прочитаем объяснение гривенских казаков, которые 3 декабря 1819 года на заданный вопрос за присягою показали:

«Действительно они с полтавскими жителями в рассуждении забратия приготовленного ими для себя по хозяйству фороста (хвороста –

Е.С.) и леса завели было тяжбу и имели по незнанию виновного на господина войскового атамана и кавалера Матвеева крайнее неудовольствие, так что даже намерены были вступить на него высшей команде с жалобой. Каковое неудовольствие навели полтавские жители, по их показанию, с наставления приходского их священника Григория Стрешенко».

Обращаю ваше внимание на то, что в заведенном на Стрешенко деле в 1819 году отсутствует его объяснительная записка, а в деле 1818 года, как вы помните, она была. То есть, во втором случае, обвиняемому не дали даже слова, либо специально потеряли его объяснение, поэтому я решила нанять нашему священнику адвоката, который ознакомился со всеми документами и имел по каждому пункту обвинения свое мнение.

«Мой подзащитный выступил в защиту прав простых казаков селений Полтавского и Гривенного, заготовивших для своих хозяйств, кто для строительства, кто для топлива, хвороста и лесу, которые были отобраны у них, как они думали, по указанию Господина Атамана. Если Атаман Матвеев был не виновен, то вместо того, чтобы писать жалобу Архиепископу на священника Стрешенко, должен был поручить найти тех, кто это злодеяние совершил, наказать их, а жителям возместить потери».

Читаем дальше рапорт членов Екатеринославской консистории.

«Просим перевести его Стрешенко из селения Полтавского, где он служит обществу одним соблазном в другое в подчиненность особого благонадежного священника, который бы мог удержать его от таковых своевольств. По сему отношению консистория сия предписала Екатеринодарскому Духовному правлению произвести о священнике Стрешенко следствие, а в селение Полтавском избрать священника такового, который, имея наблюдение за образом жизни его Стрешенко, приложит старание и заботу к исправлению тамошней церкви или к построению новой. Вследствие чего правление сие, представя в Консисторию учиненное следствие, особым рапортом донесло, что из

тамошних священников переместиться в селение Полтавское никто не согласился».

Добавлю немного из рапорта Екатеринодарского правления, которое не попало в экстракт консистории. *«Правление сие осмеливается доложить, что таковые перемещения для Священника, честного и добропорядочного поведения, может представляться не совсем выгодным, как потому что должен потерпеть расстройство в доме и **хозяйстве своем**, так и потому что должен он переместится на такой приход, который не имеет достаточного количества прихожан на двух священников, а также и потому, что он должен иметь надзор над таким служителем своим, который **охотник величаться своим давнишним производством**».*

Из речи адвоката: *«Странно все это! С одной стороны, Екатеринодарское духовное правление в **августе 1819** года назначает в селение Полтавское вторым священником Диаковского, с другой стороны, в **декабре 1819** года докладывает в консисторию, что на второго священника в селение Полтавском не хватает прихожан (куда они за три месяца исчезли?), оправдывая этим нежелание добропорядочных священников переместиться в селение Полтавское. А может, эта неготовность связано с тем, что священнослужители рядом расположенных селений понимали всю несправедливость выдвинутых против Стрешенко обвинений, и, проявляя сословную солидарность, отказывались от этого перемещения.*

Хочу добавить, что мой подзащитный один из первых священнослужителей Войска Черноморского. Прошел со своей паствой с 1796 года и строительство первого храма в селении, и в 1809 году перенос его на новое место. Благословлял казаков на службу защищать границы государства Российского. Научил грамоте и подготовил к духовной службе казаков селения Диомида Попко и Семена Остроуха. И нет ничего дурного в том, что он «величался» своей долголетней священнической службой, а кто бы не гордился этим, господа присяжные».

Возвращаемся к рапорту:

«А по следствию тому 35-ть человек полтавских прихожан под присягой показали, что та их Обрезанская церковь, будучи в 1796 году выстроена из закубанского разного лесу, наподобие весьма скудного дома или казармы, неошалеванна (ошалеван - обит тесом или пластинами – Е.С.), а просто обмазана снаружи и внутри глиною и побелена мелом, которая ныне пришла в крайнюю ветхость, крыша на ней из соснового тёса, починяема была, и совсем уже ветхая. Внутри под крышею, сделанная в 1818-м году, дабы в случае дождей не могла быть сильная течь, парусинная палатка. В ней иконостас низкий и малый, написанный самою простою иконописною работаю на холсте, и уже ветхий. Суммы церковной - на лицо состоит 9225 рублей, которая начала накапливаться с 1815 года, а до того было не более 3000 рублей. Постройки же церковной никакой не было, кроме в 1813 году починки крыши.

Жители полтавские располагают строить новую каменную церковь, о чем и разрешение 12 февраля 1817 года из сей консистории последовало, но по нестаранию и нерадению священника Стрешенко, который всегда почти по поступкам своим находится под следствием и по сие время не заложена. Хотя прежде весьма удобнее можно было соорудить оную в лучшем виде и привести ее в большее благолепие и совершенство, потому люди были в том приходе гораздо достаточнее и приход сей церкви был гораздо обширнее.

Священник Стрешенко не имеет надлежащего о своей должности попечения, занимается собственными своими заботами: первое стяжанием лошадиного табуна и скота, а ныне устройением плотинной мельницы, охотой и конским рытанием. А по справке оказалось, что оный Стрешенко по формулярным за 1819 год ведомостям показал: поведения средственнаго, горд, пронырлив и непокорен. Был штрафован и под судом. От роду ему 51 год».

Добавлю к этому абзацу фамилии 35-ти жителей селения Полтавского и клятвенное обещание, по которому они давали свои показания:

«Клятвенное обещание. Аз, ниже именованный, обещаю и клянусь всемогущим Богом и пред святым его Евангелием и честным крестом в том, что в чем я буду на сие призванное свидетельство спрашиван, скажу самую сущую правду ниже чего утаить, или прибавить не для дружбы, вражды, свойства склонности и подарков, ни страха ради злости или ненависти, но по сущей моей христианской совести. Вся суть явственно объявлю в чем да поможет он мне нелицемерный судья в сем и будущем веке, в заключение же сей оной клятвы целую слова и крест спасителя моего Аминь».

30 ноября 1819 года по сему присяжному листу присягали жители куреня Полтавского: куренной атаман Иван Чуприна, сельский атаман Тимофей Ленский, казаки: Федор Кошик, Григорий Ярмоленко, Петр Ярмоленко, Ефым Скряга, Федор Хиз, Герасим Посуныко, Филип Белик, Никита Лабунец, Мина Михитько, Василь Чинченко, Кирило Ванжа, Захарий Телега, Федор Ковтун, Яков Горбенко, Евтихий Недолга, Иван Задирака, Иван Белик, Федор Ениченко, Никита Шымоненко, Иван Сур, Аким Голуб, Андрей Сотниченко, Конон Полтавец, Кирило Белик, Улас Барсук, Иван Солон, Федор Белик, а вместо их неграмотных по рукоданной просьбе руку приложил Сотенный Есаул Кучера.

К присяге приводил и при оном был Священник Иоанн Залетов.

При приводе к присяге присутствовали Благочинный протоиерей Пантелеймон Красницкий и член Екатеринодарского сыскного начальства, сотник Плохий».

Слово адвокату.

«Данная церковное здание заложено в 1796 году и построено примерно в 1799 году. Перенесено через 10 лет на новое место расположения куреня Полтавского. В 1813 году был произведен ремонт крыши с заменой камыша

на сосновый тес. Прослеживается явное желание сделать церковное здание более благолепным. Но, скорее всего, строители попались безрукие, так что вскорости крыша стала протекать. Проблемой отсутствия профессиональных строителей в то время в Черномории пестрят архивные дела.

Примерно, в 1815 году общество селения Полтавского принимает решение больше не тратить деньги на бесконечные ремонты, а построить новую, каменную, церковь. Собираются необходимые документы на получение разрешения на ее строительство, которые путешествуют по уже знакомому нам маршруту из Екатеринодарского духовного правления в Екатеринославскую епархию, отстоящую от Екатеринодара на 800 км. Вполне возможно, что с первого раза чертежи не утвердили, пришлось опять искать специалистов и исправлять их. А кто же всем этим занимался? В первую очередь священник Стрешенко при помощи общества селения Полтавского. Наконец, в феврале 1817 года разрешение было получено, но одного его для начала строительства было ведь мало. Нужны еще и деньги. Сами же жители Полтавского селения показали, что церковная сумма с 1815 года начала интенсивно расти, и в этом, безусловно, опять была заслуга священника. Заметьте, ни в одном из дел не идет речь о разворовывании церковных денег, хотя такие дела по другим населенным пунктам встречались. Я могу понять Стрешенко, который каждую копейку вносил в суммы, предназначенные на строительство новой церкви, жадничая отдавать из нее деньги на ремонт старого обветшалого здания, разумно полагая, что лучше немного потерпеть, но быстрее построить новый красивый храм.

Любое строительство в то время, а особенно каменного храма, было тяжелым испытанием. Своих строителей не было, да и где брать строительный материал, тоже не понятно. Даже сроки строительства

войскового собора в Екатеринодаре несколько раз переносились из-за этих проблем, что уж говорить о простом селении.

Конечно, жителям полтавского селения хотелось как можно быстрее получить новую церковь, их понять можно. Только не всегда наши желания совпадают с нашими возможностями. Думаю, что тех денег, которые были в 1817 году в церковной кассе, не хватало еще для начала строительства, надо было всем искать возможности для увеличения этой суммы. По документам храм, построенный в 1833 году, обошелся в 40851 рублей. Так как слово «инфляция» в ту пору еще было незнакомо, потому что ее не существовало, то можно с уверенностью предположить, что начинать возведение храма при наличии 9225 рублей было никак нельзя. А с 1818 года началось преследование нашего священника благочинным Красницким.

Вспомните, с каких слов начиналось первое дело: «Сего же апреля 20 числа по бытности моей в селении Полтавском при освидетельствовании тамошней церкви...», из рапорта благочинного. Но почему-то о самой церкви далее не было сказано ни слова, она что, была в благолепном состоянии? Благочинного больше интересовали отлучки священника от своего прихода и его, якобы, пьянство. Он думал, что эти аргументы будут для победы над Стрешенко более значимыми, чем вид церковного здания. Но Красницкий просчитался! Однако через год умело воспользовался тяжбой из-за хвороста с лесом, отобранными у жителей Полтавского и Гривенного селений, при том, что в дело вступила такая крупная фигура, как атаман. Это был беспроигрышный вариант.

Замечу еще, что во втором процессе ни разу не упоминается о страсти Стрешенко к хмельным напиткам, которым пестрило первое дело. В процитированном формуляре за 1819 год наш Стрешенко, по мнению Красницкого, который и составлял эти характеристики «поведения средственного, горд, пронырлив и непокорен». И не кажется ли вам странным, что в приведенной характеристике отсутствует отношение

Стрешенко к хмельным напиткам. Интересно, почему?

Теперь немного про «стяжание лошадиного табуна и скота, устройство плотинной мельницы, увлечение охотой и конским рытанием?»

Не думаю, что нищий священник, это то, что для жителей селения было бы хорошо. Огромные угоды были подарены Роману Порохне, в момент назначения его войсковым протоиереем, как раз для устройства табунов и для прочего хозяйства.

*Прочитую кусочек письма священника Тимашевского куреня Попко Диамида Несторовича своему сыну. «У протоиерея было большое и крепкое хозяйство, но в 1868 году ему уже 73 года, поэтому справиться с ним у него не было сил, и он жалуется сыну: «Казак, находящийся у меня, человек благонамеренный, и я его частенько отпускаю до дому – на горе что другого нет – он все скучает за жалованием. Другое горе **мельницы мои пропадут, разорятся без поправки**».*

Многие священники из казаков, имели и табуны, и мельницы, и рыболовные заводы, и лавки, которые сдавали в аренду, об этом рассказывают архивные дела. А охота и верховая езда - это то, что священники из казаков впитали с детства.

Уважаемые, господа присяжные! Перед тем, как выносить свое решение, подумайте, главный пункт обвинения, желание священника Стрешенко защитить права жителей селений, с этим можно разобраться на местном уровне, а все остальное накручено злобой благочинного Красницкого на священника Стрешенко. Вы и сами это заметили, вынося решение по делу 1818 года. Давайте дадим возможность моему подзащитному и его пастве, как можно быстрее начать строительство нового храма, чтобы еще сильнее засияло слово Божие на кубанской земле. Если вы уберете сейчас Стрешенко от прихода, то долго не увидите возведенного храма, так как разрушить уже начатое дело легко, а вот создать что-то новое очень трудно».

К сожалению, не слышали этих слова помощники Иовы, и вынесли следующее решение.

«По сим обстоятельствам консистория сия полагает мнением. По елику Священник Стрешенко вместо попечения и старания о построении приходской своей церкви и усердия к своей должности и исполнении обязанностей на слугителе Святого алтаря лежащих, занимаясь несвойственными и самыми предосудительными звания его деяниями, производит единый соблазн и дерзости, да и на пред сего находясь под следствием и судом за поступки сколь порочные, столь и развращенные, не оказывает ни малейшего исправления, кроме одной видимой гордости и самонадеяния до такой степени дерзости, что подговорил двух селений жителей к ложной жалобе на господина войскового атамана и кавалера, а таким образом своей жизнью служит прихожанам только соблазном.

Для того его Стрешенко от полтавского прихода отрешить, а на место его избрать готового священника, в поведении и честности испытанного или представить из диаконов кандидата, который бы способен был к присмотру и заботе о построении в том селении новой церкви, а сверх сего его Стрешенка за толикие соблазны, нерадивость и дерзости взять в Екатеринодарский воскресенский собор на два месяца с тем, чтобы первый месяц с запрещением священнослужения употребляем он был в причетническую должность с положением ежедневно, кроме воскресных и праздничных дней по двадцати пяти поклонов земных. А другой месяц отправлял ежедневно служение без получения доходов. После чего, обязав его о препровождении впредь жизни кроткой, миролюбивой и во всем соответственной слугителя христовой церкви, подпиской подтвердить ему, что если он и впредь окажется в подобных прежних его деяниях, то лишен будет священства и по исключении из духовного звания отошлетя в гражданское правительство для определения куда угодно им окажется. И напоследок определить его к иному месту в

екатеринодарском округе под надзором благонадежного священника или дать ему, буде пожелает, на приискание такового самому свидетельство. О том в екатеринодарское духовное правление послать указ, а черноморской войсковой канцелярии сообщить об его исполнении.

О том консистория сия почтейнейше просит резолюцию вашего высокопреосвященства, всепокорнейшие послушники: семинарии ректор архимандрит и кавалер Никифор, кафедральный протоиерей и кавалер Иоанн Станиславский, ключарь протоиерей и кавалер Герасим Мартынов, священник Петр Жолткевич, секретарь Василий Сафонов.

Посланы 3 июня 1820».

Двое из них: Иоанн Станиславский и Герасим Мартынов год назад подписывали первый, оправдательный рапорт 1818 года.

Как раз в тот день, когда в Екатеринославскую консисторию пришли все документы этого дела и помощники архиепископа Иовы начали их изучать, в курене Полтавском произошло событие, которое потрясло многих.

1 февраля 1820 года тысячные толпы горцев окружили селение и, прорываясь во внутрь его, грабили, убивали, забирали в плен. На оборону своего дома встали все, как один жители куреня. Из рапорта Полкового есаула Сиромахи: *«Честь имею также донести, что здешней слободы священник Григорий Стрешенко, при отражении врага с крестом в руках выходил вперед, поощряя казаков словами своими, везде следовал за нами на лошади и тем очень способствовал к поражению злодеев сих».* Пригодилась все-таки любовь к рыстанию нашему священнику, а Иван Григорьевич Сур за отражение этой атаки был награжден георгиевским крестом. Мною написана отдельная статья об этом бое, вот ссылка на нее: https://kubangenealogy.ucoz.ru/Statji/napadenie_1820_goda.pdf

До лета в селение Полтавском особенных событий не случилось. А в начале июня Екатеринодарское духовное правление получило тот самый указ

из Екатеринославской консистории и 14 июня 1820 года отрапортовало о его получении и принятии к исполнению: «Его Императорского Величества указ из оной Духовной Консистории от 3 сего июня об отрешении селения Полтавского Обрезанской церкви Священника Григория Стрешенко от сего прихода, о взятии его в Екатеринодарский собор на два месяца и о прочем в сем правлении сего же июня 11 числа получен. И по оному указу надлежащее исполнение учинено быть имеет. Присутствующий протоиерей Дмитрий Грузин. Присутствующий священник Василий Шелетов».

Въ Екатеринославскую Духовную Консисторию,
Екатеринодарскую Духовную Правлению
РЕПОРТЪ.
о полученіи Указа.
Его Императорскаго Величества указъ
изъ оной Духовной Консистории отъ 3. сего Іюня подъ
№ 1947— объ отрешеніи Свѣтлейш. Полтавскаго Обрезан-
ской церкви Священника Григорія Стрешенка, отъ сего
прихода, о взятіи его въ Екатеринодарскій Соборъ
на два мѣсяца и прочее, въ сѣмъ правленіи сего
іюня 11 числа полученъ.
И по оному указу надлежащее исполненіе учи-
нено бѣть имѣеть,
Присутствующій Протоіерей Дмитрий Грузинъ,
Присудствующій священникъ Василий Шелетовъ

Такое наказание стало для Стрешенко и его паствы громом среди ясного неба. Многие, наверное, думали, что пожурят немного священника, сделают выговор, да и отпустят с миром. Но оказалось, совсем не так.

И как же прав был наш воображаемый адвокат, новая церковь была открыта только в 1833 году, то есть через 13 лет после описываемых событий.

От себя хочу добавить, отражали ли пламенные слова «адвоката» настоящее положение дел в этом споре, мне неизвестно. Может, наоборот, благочинный Красницкий, видя, что наш священник стал заниматься исключительно своей выгодой, начал против него борьбу в защиту интересов жителей полтавского селения, которые по прежним имеющимся заслугам священника Стрешенко не жаловались на него. А уклонение других священников от перемещения в наш курень было связано вовсе не солидарностью с нашим священником, а с нежеланием связываться с ним.

Что же с ним случилось через два месяца, проведенных им в войсковом соборе? И провел ли он их там? Или пошел еще на какую-либо хитрость? Направили ли его священником в другую станицу, или он сам нашел себе другое место? Неизвестно.

В этом же, 1820 году, из Синода пришло сообщение о переводе Екатеринодарского духовного правления и Черномории из Екатеринославской епархии в ведение Астраханской епархии.

В материалах для истории образования на Северном Кавказе в «Ставропольских епархиальных ведомостях» № 9 за 1888 год я нашла интересную статистическую справку по нашей станице: «Что мог получить и как воспитывать в училище детей, например, причетник какого-нибудь Полтавского куреня, имевшего в 1821 году **237 дворов и 1327 душ жителей** обоего пола (Статистические сведения о бывшем Черноморском войске, Кубанские областные ведомости, 1887 год, №4) со штатом духовенства из **двух священников, дьякона и четырех наличных причетников и пятого,**

за которым было зачислено причетническое место с правом получения полных доходов».

Теперь сравним, приведенный выше штат клира, который по числу дворов и жителей должен был быть в Полтавском селении с тем, что имелось на самом деле. А для этого обратимся все к тому же журналу за 1822 год, в котором перечислялся причт каждого селения, с описанием какого состояния и поведения были его служители.

В Обрезанской церкви Полтавского селения записан один только стихарный дьячок Гавриил Попов, поведения «доброго, пьянственную страстью не заражен и не штрафован».

№	Имя	Кемкого	Состояние	Учреждение
23	Воробей Стефанович	Воробей	платосемный	Второе отделение
	Григорий Комаров	36	Незаряжен	Шведское отделение
24	Иванов Григорьевич	Воробей	платосемный	Второе отделение
	Александр Зрадовский	27	Незаряжен	Шведское отделение
<u>Полтавского</u>				
Обрезанской церкви				
25	Стефанович Стефан	Воробей	платосемный	Второе отделение
	Григорий Попов	25	Незаряжен	Шведское отделение
Стефанович, Александр Михайлов Свой церкви				
26	Стефанович Стефан	Корень	платосемный	Второе отделение
	Волынов	40	Незаряжен	Шведское отделение
Стефанович, Александр Михайлов Свой церкви				
27	Стефанович Стефан	Корень	платосемный	Второе отделение
	Матвей Стефанович	29	Незаряжен	Шведское отделение

В самом конце списка 1-й части благочиния рукой Кирилла Россинского

(помните я писала, что все характеристики в этом журнале записаны рукой благочинного Красницкого, кроме двух, одна из которых на самого благочинного, я ее уже цитировала, и еще одной) читаем:

№	Амисно	Мта.	Кемого Состоянія Исполнѣн
	Безмѣстное Священникъ б. Григорій Стрешенко — 54		не худо, пьянственной страсти не заражен; штрафован, но в поступках своих начал показывать исправление. — Протоиерей Кирилл Россинский.

«Безместные: Священник Стрешенко, поведения «не худого, пьянственной страстью не заражен, штрафован, но в поступках своих начал показывать исправление. Протоиерей Кирилл Россинский».

Вот такие печальные отголоски событий 1820 года были у наших предков.

Как и что в нашем причте происходило далее найти не удалось. Есть только данные из Исповедной росписи 1831 года по куреню Полтавскому.

Ведомость Новочеркасской епархии (в 1829 году Черноморию перевели из Астраханской в эту епархию) Войска черноморского ведомства Екатеринодарского духовного правления селения Полтавского:

1. Священник **Алексей Димитриев Зражевский**, 36, жена его Пелагея, Иванова, 33, дочери их Евдокия, 9, Агафия, 2,
2. Вдовствующая попадья **Наталья Васильева Стрешенко**, 60,
3. Стихарный дьячок **Димитрий Павлов Беличенко**, 22.

Скорее всего, наш Стрешенко все-таки вернулся в свой приход, раз в ИР в разделе «Духовные и их домашние» записана его жена-вдова. Но когда это случилось? И так ли это? И когда умер наш священник?

Вѣдомость Новосербской Епаріи Войска Сербскаго вѣдомства Епаріи гродскаго Духовнаго правленія Семейнаго Помѣщика въ Обрѣзаческой мѣрѣ вѣдомости Свѣдѣніи о крѣпостныхъ обрѣзающихся при оной церкви въ приходѣ нижеявленныхъ чиновъ людѣмъ, со изъявленіемъ прошивъ коегождо имени о бышій ихъ въ Свяшю Четырѣдесятицу у Исповѣди и Свяшыхъ Таинъ причастія, и кпожъ исповѣдался шокмо, а не причастился, и кпожъ не исповѣдался.

Число			Лѣта опъ рожденія.		Показаніе дѣйсва:		
Домовъ или дворовъ.	Людей.		Мужеска пола.	Женска пола.	Кто были у Исповѣди и Свяшаго Причастія.	Кто жъ исповѣдались шокмо, а не причастились, и за какимъ вѣнословіемъ.	Которые у Исповѣди не были.
			<i>Духовные</i>				
		<i>Жизнь домашній</i>					
	1	—	Священникъ Алексій Дмитриевъ сынъ Зрачевскій	36	—	2	
	—	1	Жена его пелагія Ивановна дочь — — — —	—	33		
	—	2	Дочери ихъ Евдокія	—	5	—	Замта
	—	3	Агафія — — — —	—	2	—	
	—	4	Вдовствующая пона- дѣ Каталія Васильева дочь Стрѣльцова	—	60	19	
	2	—	Стихарный дѣвчѣ Дмитрий Павловъ сынъ Глизицкѣ	22	—		

Изучаю дело 1850 года «Именные списки казаков Таманского военного отдела, зачисленных на службу в полки и батареи Кубанского войска». Благодаря ошибке, которую кто-то когда-то допустил при записи возраста малолеток, зачисляющихся в войско, понадобились выписки из метрических книг, подтверждающие годы их рождение. Через 20 лет после смерти Стрешенко я опять в деле вижу его фамилию:

«Онисим Бреус, родился 14 февраля 1830 года, крещен 15, в курене Полтавском, молился иерей Григорий Стрешенко». То есть первый священник нашего куреня все-таки возвратился в свою церковь и умер в промежутке с 15 февраля 1830 года до примерно марта 1831 года (время составления ИР 1831 года).

Запишу сведения и еще об одном малолетке, который встретился в этом деле: *«Никита Зернюк, родился 23 мая 1831 года, молился иерей Егор Петров».* Новое имя в нашем клире, занесу его в таблицу.

Заключение: на момент начала написания этой статьи, это были все документы, с которыми мне удалось познакомиться в ГАККе. По мере приближения к концу этого повествования, то в одном, то в другом месте стали появляться звоночки. «Ну поищи еще там!» - отвечаю: «Искала». «Посмотри еще раз!» - кричал мне кто-то. Я поняла: герои моего рассказа не хотят отпускать меня, пока я не закрою оставшиеся без ответа вопросы об их жизни. И я нашла, теперь, сгорая от нетерпения, жду ответов из архивов. Так что, до скорой встречи!

Продолжение следует.

01.04.2024 года

Елена Сабур